

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИОГРАФИИ)

На основе обобщения материалов российской и зарубежной историографии дается оценка процессам государственно-территориального развития двух западноевропейских стран, Франции и Германии, в первые десятилетия XVI в. Сопоставляются степень сформированности абсолютистских структур, территориальной консолидации стран, соотношение власти верховных и региональных правителей. Теоретическая значимость представленного анализа состоит в уточнении региональной специфики начального этапа формирования новоевропейской цивилизации.

Ключевые слова: Франция, Германская империя, начало XVI в., государственное и территориальное развитие.

В исторической науке был поставлен вопрос о специфике государства эпохи Возрождения, рассматриваемого в качестве некоей переходной политической структуры, промежуточной между средневековыми монархиями и абсолютизмом Нового времени и отличной от них обеих; а также типологии «ренессансных монархий» в пестрой картине западноевропейских государств. Отталкиваясь от такой постановки вопроса, сформулирована цель данной публикации – на основе обобщения материалов отечественной и зарубежной историографии дать оценку процессам государственно-территориального развития двух западноевропейских стран, Франции и Германии, в первые десятилетия XVI в., сопоставив степень сформированности абсолютистских структур, территориальной консолидации стран, соотношение власти верховных и региональных правителей¹.

Был использован ряд исторических исследований как общего характера, так и посвященных специально истории двух стран. Хронологически это тексты, начиная от романтической историографии и заканчивая литературой 2010-х гг. Среди авторов XIX в. следует назвать историка-романтика О. Тьерри и ученого историко-культурного направления К. Лампрехта. Широко задействовались материалы фундаментальных исследований немецких историков К. С. Бадера и К. Босля, советских ученых-германистов Т. Н. Десницкой, А. Д. Эпштейна, М. М. Смирин, франковедов А. Ф. Люблинской [2], С. Д. Сказкина, Н. И. Басовской, проведенных в середине XX в. Из числа современных исследований были привлечены монографии французских исследователей Э. ле Руа Ладюри и Ж. Корнетта; известных немецких историков Ф. Пресса, Х. Х. Нольте, А. Шиндлинга и В. Циглера; отечественных франковедов И. Я. Эльфонд, Л. А. Пименовой, В. Л. Керова, германистов А. И. Патрушева и Ю. Е. Ивонина, наработки представителей англо-американской школы (Л. М. Брайан, Н. Хеншелл).

Исследователи используют по отношению к начальному периоду раннего Нового времени во Франции достаточно разнообразные определения и метафоры, зачастую противоположные друг другу. Если П. Шоню назвал государство эпохи Франциска I (1515–1547) «предклассическим», то Э. ле Руа Ладюри применил по отношению к нему термин «классическая монархия», связав ее формирование именно с XVI в. [3, с. 38; 4, с. 7] С. Д. Сказкин считал, что Франция в рассматриваемую эпоху переживала процесс достраивания абсолютистской монархии; Ж. Корнетт использовал более осторожное выражение «первый абсолютизм», тогда как Н. Хеншелл определил государство этого и даже последующего периодов только как ограниченную монархию [5, с. 169–171; 6, р. 75; 7, с. 9].

Хеншелл полагает, что бытовавшие во Франции начала раннего Нового времени представления об абсолютной монархии не имели таких характерных для нее признаков, как особое акцентирование государственной власти и ограничение прав и привилегий различных групп населения. По его мнению, хотя в начале раннего Нового времени сложилась идеология абсолютной власти, по сути, она была просто идеологией монархии, в рамках которой считалось, что управление будет эффективнее, если ряд функций сосредоточится в одних руках. С точки зрения ученого, абсолютизм в большей мере присутствовал в теории, чем на практике [7, с. 169].

Л. М. Брайан также высказал мысль, что к рассматриваемому периоду абсолютизм во Франции еще не сложился, власть сохраняла гибкость, способность к диалогу. Например, в выстраивании индивидуальных и символических отношений между королем и его подданными во время церемонии «entrée» историк видит пример эквilibрирования и «конституционного разума» [8, р. 535–536]. Французский исследователь Ж. Кринен вообще полагает, что абсолютистские тенденции встречали во

¹ См. о специфике процессов модернизации во Франции и Германии в первые десятилетия XVI в.: [1, с. 36–38].

Франции активное сопротивление вплоть до конца XVIII в. [9, р. 591].

Многие ученые пишут о переходности первой половины XVI в. во Франции, усматривая ее в одновременном существовании, наряду с установками к политической централизации, противоположных тенденций. Так, Г. Се и А. Ребийон придерживаются мнения о значительной степени децентрализации, ссылаясь, во-первых, на подвижный образ жизни правителей, отсутствие у них постоянного местопребывания; а во-вторых, на то, что королевская власть в эту эпоху еще не приобрела безличный характер (как стало позднее, когда абсолютизм достиг своего апогея); по их мнению, персону короля и его окружение по-прежнему продолжали играть большую роль [10, р. 177].

Черты децентрализации сохранялись в определенной мере в правовой и административной областях. Н. Хеншелл отмечает, что, хотя сами французские правители заявляли о своем безраздельном праве в законодательной сфере, между риторикой и реальностью существовала заметная грань. Король не имел возможности издавать такие законы, какие ему заблагорассудится; прерогатива монарха заключалась в праве вносить проекты на рассмотрение, но без утверждения сословиями они не вступали в силу. В системе управления и в этот период, и даже позднее было мало черт, которые можно было бы назвать собственно бюрократическими, поскольку значительная часть администрации находилась в частных руках; параллельно механизмам бюрократии действовали патронат и клиентела [7, с. 58–59, 98–99 и др.].

В то же время в начале XVI в. во Франции центр обладал мощной притягательной силой. В. Л. Керов считает, что к началу XVI в. французской короне удалось добиться политического единства своей страны. По его мнению, королевское законодательство было уже достаточно разработанным. Кроме того, король обладал функцией верховного судьи, претендовал на право контролировать религиозную принадлежность своих подданных, хотя это оспаривалась папой; считал своей абсолютной прерогативой отношения с иностранными государствами [11, с. 83].

М. А. Демидова пишет, что французская монархия уже в начале XVI в. представляла собой наиболее сплоченное государство в Европе [12, с. 24]. Р. Мунье подчеркивает, что в этой стране сложились наилучшие условия политической консолидации. Усиление центра осуществлялось на королевские средства; ему благоприятствовала ситуация с церковью и с преодолением раздробленности [13, р. 118–119]. Ж. П. Майер характеризует Францию

рассматриваемого периода как государство с реальной верховной властью, значительной централизацией, выстроенными отношениями с церковью [14, р. 42].

По оценкам историков, в первой половине века во Франции правили сильные или, по крайней мере, популярные короли. Так, Людовика XII (1498–1515) в связи с его политикой современники воспринимали как «отца народа» [5, с. 152; 10, р. 177]. Более 40 лет правления Франциска I и его сына Генриха II (1515–1559) составили период «восхождения» французской цивилизации, начавшегося с последних лет XV в. По словам О. Тьерри, XVI столетие, полное социальных потрясений во второй половине, было «великим» в свои первые десятилетия, придавшие ему «печать блеска» [15, с. 73].

Оборотной стороной административной централизации является ситуация в области территориального устройства страны. Для средневекового французского королевства как большинство феодальных государств была характерна раздробленность; оно было разделено на провинции, княжества, диоцезы, имевшие свою региональную историю. На протяжении веков параллельно ширящемуся собиранию земельных владений под властью центра шел процесс упрочения отдельных феодальных территорий. Исследователи отмечают, что еще в XIV–XV вв. Франция оставалась страной княжеств. Хотя владельцы отдельных территорий уже в значительной мере потеряли суверенные права, но некоторые из них еще имели многочисленные свиты и вели войны, на которые королевская власть была вынуждена закрывать глаза. Крупные феодалы, со своей стороны, продолжали воспринимать усиление центральной власти как узурпацию [5, с. 153].

Ж. Корнетт неслучайно использовал термин «мозаичное королевство» [6, р. 5]¹. Историки полагают, что Франция оставалась «составной монархией», состоящей из различных частей или территорий едва ли не до конца XVIII–XIX вв. Особенно выделялись в этом отношении отдельные политические субъекты. Так, особыми претензиями и притязаниями по отношению к Франции отличалось Бургундское герцогство, вопрос о котором остро стоял перед центральной властью до конца XV в. Длительное время сохраняла независимость и лавировала между двумя мощными правителями, французским королем и императором, Бретань; только в 1532 г. король смог заключить договор, присоединяющий эту территорию [6, р. 7]. Ситуация с Наваррой, представлявшей собой своего рода буфер между Францией и Испанией, так и осталась неразрешенной, аналогично как и с Фландрией [14, р. 43].

¹ Л. А. Пименова применяет сходную по смыслу метафору «лоскутное одеяло». См.: [16, с. 134].

И. Эльфонд выделяет районы, где старая феодальная аристократия, оппозиционно настроенная к попыткам правительства централизовать страну, сохранялась даже во второй половине XVI в. На юге это Гиень, Гасконь, владения наваррских королей и Лангедок, частично Дофине и Прованс; на северо-западе – Нормандия и особенно Бретань. Эти области были присоединены к владениям французских королей относительно поздно, причем сохранение юридической независимости французской Наварры способствовало сепаратистским настроениям в других районах [17, с. 13].

В то же время исследователи отмечают, что французская территория издавна отличалась значительно большей сплоченностью по сравнению с империей [6, р. 7]. На протяжении веков здесь неуклонно шел процесс падения локальной феодальной автономии, когда монополия на суверенитет и верховенство в правосудии, законодательстве и налогообложении на местах переходили короне [5, с. 152–153; 7, с. 14]. Самое активное участие в объединительном процессе принял и Франциск I. Он регулярно совершал туры по провинциям, в том числе посетив Лангедок, Нормандию, Дофине, графство Прованс, герцогства Бретань и Бургундию. В его ордонанс 1539 г. вошло около 200 статей по всем областям страны, целью которых была унификация управления и утверждение королевской власти [6, р. 12–13, 96]. По мнению Н. Хеншелла, Франциск стал одним из первых монархов, выигравших от присоединения короной обширных земельных владений в стране [7, с. 15]. Неслучайно некоторые историки склонны связывать превращение Франции из конгломерата феодальных территорий в единое могущественное государство именно с его именем [12, с. 23].

Немецкое государство раннего Нового времени в современной историографии принято обозначать термином «старая империя»; исследователи отмечают разрыв между ним и политической структурой эпохи Средневековья [18, с. 212–213; 19, с. 5, 14]. А. Шиндлинг и В. Циглер пишут, что «старая империя» и ее институты стали более значительными и эффективными по сравнению с предшествующим периодом. Империя теперь была ограничена преимущественно территорией Германии, приобрела чисто светский характер. Несколько утратив присущий ей ранее блеск, она стала формой надгосударственного образования, создававшего конституционный фон жизни для германских земель и имперских городов [20, с. 9]. Немецкий историк Х.-Х. Нольте считает, что на исходе позднего Средневековья Германия превратилась в своеобразное союзное государство (конфедерацию) во главе с императором [21, с. 170–171].

С одной стороны, Германская империя не стала

государством в современном смысле этого слова, преодолев лишь первые этапы на пути к нему. По мнению историков, имперский трон фактически превратился в должность главы союза немецких территорий. Сложился так называемый дуализм «императора и империи», когда верховному правителю противостояли курфюрсты, князья и города. С другой стороны, империя не распалась и значение имперской короны не померкло. Связи и традиции, соотносимые с именем и положением императора, по-прежнему нередко выходили за пределы идей и возможностей других монархий [20, с. 9; 22, с. 51].

Проведенные в конце XV – начале XVI вв. реформы, в ходе которых сложились имперские органы управления и институты, определили специфику функционирования имперского государства в рассматриваемую эпоху. Реформы были предприняты в ходе целого ряда этапов и связаны прежде всего с именем Максимилиана I (1493–1519). Были предприняты попытки формирования общеимперского правительства, введения целостного административного деления (имперские округа), создания верховного придворного суда и некоторые другие шаги [23, с. 21–24, 26]. Место средневекового собрания знати заняло собрание членов империи – рейхстаг, в котором заседали территориальные князья и главы городских магистратов, обязавшихся применять имперские законы в отношении к собственным подданным. Разрабатывалась идея имперской войны под командованием короля, во главе с имперским военачальником и маршалами [19, с. 5, 9, 15].

Реформы не были реализованы в той форме, в которой задумывались, поэтому многие историки пишут об их неудаче [22, с. 51; 23, с. 26–27]. Монархический проект централизации, который, по мнению Т. Н. Десницкой, напоминал французскую государственную систему [24, с. 171], воплотить не удалось. Так, имперское правительство просуществовало недолго и было не исполнительным органом, а совещательной коллегией, в случае несогласия императора обращавшейся к окончательному решению курфюрстов и князей.

В отличие от Франции с ее достаточно разработанными основными законами первое общеимперское законодательство – «Каролина» – было принято только при Карле V (1519–1555) в 1532 г. Да и то, как показала Т. Е. Логинова, правовые нормы в этом сборнике носили, скорее, рекомендательный характер. Хотя они создавались с целью усиления центральной власти, но на практике в большей мере соответствовали потребностям князей. Это был не только правовой, но и политический документ, отразивший компромисс императора с территориальными правителями в уголовно-правовой

сфере; упрочение его способствовало княжескому абсолютизму [25, с. 9].

Политическая линия императорского дома Габсбургов, традиции которой были заложены еще во второй половине XV в.¹, придала роду Габсбургов европейский размах [22, с. 68–70; 26, S. 14–15]. В XVI столетии так называемый Австрийский дом стал межнациональной общеевропейской династией; одновременно Габсбурги превратились в богатейших территориальных правителей империи.

Правивший в первые десятилетия Максимилиан I проводил активную политику в Нидерландах, вел перманентную борьбу с итальянскими городами, участвовал в ожесточенной полемике с германскими князьями. Несмотря на его многочисленные политические неудачи, Максимилиану удалось оставить в истории романизированный, даже героический образ; именно с его фигурой связано становление универсальной империи Габсбургов [24, с. 158–174].

Особую роль в судьбе дома Габсбургов сыграла женитьба сына Максимилиана Филиппа на дочери испанских королей, благодаря которой они приобрели власть над Кастилией, Арагоном и Южной Италией. С правлением внука Максимилиана Карла V, владевшего в совокупности семнадцатью коронами и практически реконструировавшего в территориальном плане империю Карла Великого [14, p. 42], связан пик могущества Австрийского дома.

Н. И. Басовская считает, что присущая Германской империи установка на создание универсальной империи была столь же закономерной, как и переживаемые другими странами процессы политической централизации, и на разных этапах имела место в истории большинства европейских средневековых государств. В этой связи развитие самой Германии на рубеже раннего Нового времени, по ее мнению, представляет собой вариант единого процесса создания современного государства [27, с. 262–264, 267]. В то же время очевидно, что к началу XVI в. здесь сложилась в целом иная по сравнению с французскими землями политическая ситуация. Расцвет собственной территориальной власти и международного влияния Габсбургов сопровождался относительной слабостью внутренне-го управления.

Как уже отмечалось выше, своеобразие социально-политического развития Германии в эпоху Средневековья и раннего Нового времени состояло в наличии двух уровней развития государственности, общеимперского и территориального; «дуалистическом пути». Среди множества самостоятельных политических единиц встречались имперские

княжества, курфюршества, графства и прелатства, имперские города, которые в совокупности образовывали весьма сложную политическую систему [11, с. 24; 28, с. 15; 29, S. 204–205].

По мнению К. Лампрехта, в первые десятилетия XVI в. дуализм развития Германии достиг своего пика [23, с. 2]. Ю. Е. Ивонин считает, что Германская империя раннего Нового времени по-прежнему представляла собой феодальный союз; государство, базировавшееся на имперском ленном праве. Лены империи – крупные, средние и малые земли – отличались разной степенью суверенитета. К. Босль пишет, что в отдельных случаях территориальные властители могли оказаться едва ли не сильнее, чем верховный правитель страны [30, S. 119].

В. И. Васильев считает, что к рубежу Нового времени государство Германии сформировалось именно на уровне территорий, суверенитет которых реализовался как реальная государственная власть, хотя и подчиненная власти императора (поскольку действенность этого суверенитета была в определенной мере ограничена имперским законом, правами верховного правителя и вердиктами имперского суда) [31, с. 34–35]. К. С. Бадер показал диссонанс между собственными интересами территорий и их имперским участием [32, S. 14–15, 24, 26, 237, 289].

Во второй половине XV и на рубеже XVI в. наметился рост княжеского абсолютизма, вызвав более напряженные, чем прежде, междоусобицы между князьями. При этом князья отстаивали свои интересы не только порознь, но и через объединения, нередко непрочные и случайные [23, с. 14–15, 24, 26, 237, 289]. Относительной сплоченностью отличался включивший ряд княжеств и городов юго-западной Германии Швабский союз (1488–1534), создание которого было инициировано со стороны императорской власти. На время правления Максимилиана I пришлось так называемое федеральное движение князей, в рамках которого, напротив, шла речь об ограничении власти или даже низложении верховного правителя [24, с. 167; 33, с. 74]. Среди князей выделилось две партии: одни придерживались федеральных идей, а другие поддерживали сторону императора [23, с. 24, 26].

Во времена Реформации разделение князей на партии и группировки получило основание в религиозных разногласиях. Странники двух противоположных тенденций государственности разделились по конфессиональному признаку: идея имперского единства находила опору в католицизме, тогда как княжеский абсолютизм – в протестантизме.

¹ Основными ее направлениями стали обеспечившая родство с другими дворянскими и княжескими родами Европы брачная практика, внутренние захваты земель, военная и внешнеполитическая активность.

Привержены новой вере были, в частности, противостоящие Габсбургам князья Гессена и Саксонии, Верхний и Нижний Пфальц, с 1534 г. Вюртемберг. В протестантский лагерь вошли также северогерманские государства – Пруссия, Бранденбург, Брауншвейг [28, с. 60–61; 33, с. 82–83]. В 1530–1531 гг. протестантские князья объединились в Шмалькальденский союз, составивший блок с французским королем. В католический лагерь вошли Габсбурги, Бавария, Франкония, духовные княжества на Рейне, в Северо-Западной Германии и Эльзасе.

Таким образом, исходя из имеющегося в историографии материала, можно сделать вывод, что во Франции и Германии уже в первые десятилетия XVI в. развернулись процессы формирования абсолютистских структур и территориальной консолидации, изменилось соотношение власти верховных и региональных правителей. В то же время в области государственно-территориального развития рассматриваемых стран в начале раннего Нового времени наблюдается значительная специфика.

Французская монархия в начале XVI в. представляла собой наиболее сплоченное государство в Европе, здесь сложились наилучшие условия политической и территориальной консолидации. Хотя Франция оставалась «составной монархией», «мозаичным королевством», состоящим из различных частей, в то же время ее территория отличалась значительно большим единством по сравнению с империей. Важным этапом на пути объединения стал период правления Франциска I, с чьим именем некоторые историки даже склонны связывать превра-

щение Франции из конгломерата феодальных территорий в единое могущественное государство.

Германская империя на исходе позднего Средневековья превратилась в своеобразное союзное государство (конфедерацию). Империя не стала государством в современном смысле этого слова, преодолев лишь первые шаги на пути к нему. В правление императоров первой половины XVI в. Максимилиана I и Карла V на общегосударственном уровне восторжествовала установка на создание универсальной империи, что предопределило слабость внутреннего управления. В этих условиях сформировавшийся на протяжении многих столетий дуализм, традиция двухуровневого развития государственности, общеимперского и территориального, в первые десятилетия XVI в. достиг по сравнению с предшествующим периодом наибольшего развития.

Теоретическая значимость представленного в статье анализа историографического материала по политической истории Франции и Германии начала раннего Нового времени состоит в уточнении региональной специфики начального этапа формирования новоевропейской цивилизации. В практическом плане материалы статьи могут быть использованы в ходе преподавания курсов «История Средних веков», «Зарубежная историография», «Особенности формирования властных традиций в раннее Новое время»; в подготовке методических публикаций по данным дисциплинам, а также при написании квалификационных и научно-исследовательских работ по истории Средневековья и раннего Нового времени.

Список литературы

1. Зайцева Т. И. Специфика ранней европейской модернизации в контексте современного историко-социологического знания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11 (113). С. 35–40.
2. Люблинская А. Д. Государство эпохи Возрождения в Западной Европе // Типология и периодизация культуры Возрождения. М.: Наука, 1978. С. 7–15.
3. Шоню П. Цивилизация классической эпохи / пер. с фр. В. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.
4. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610 / пер. с фр. Е. Н. Корендясова и В. А. Павлова. М: Международные отношения, 2004. 416 с.
5. Сказкин С. Д. Франция первой половины XVI века // История Франции: в 3 т. / отв. ред. А. З. Манфред. М.: Наука, 1972. Т. 1. С. 151–180.
6. Cornette J. Un premier absolutisme? 1515–1559 // Cornette J. Histoire de la France: l'affirmation de l'Etat absolu: 1515–1652. P.: Hachette, 2003. P. 75–109.
7. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова; отв. ред. С. Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
8. Bryant L. M. La cérémonie de l'entrée a Paris au Moyen Age // Annales. ESC. 1986. № 3. P. 513–542.
9. Boureau A. Jacques Krynen. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe – XVe siècle, Paris, Gallimard, 1993, 556 p. // Annales. HSS. 1995. № 3. P. 589–591.
10. Sée H., Rébillon A. Le XVIe siècle / Avant-propos de S. Charlety. P.: Les presses universitaires de France, 1934. 411 p.
11. Керов В. Л. Протестантизм и концепция Макса Вебера: к 500-летию со дня рождения Кальвина. М.: Экон-Информ, 2009. 183 с.
12. Демидова М. А. Идеальная резиденция ренессансного правителя: дворец Фонтенбло эпохи Франциска I. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 351 с.
13. Mousnier R. Les XVIe et XVIIe siècles: la grande mutation intellectuelle de l'humanité, l'avènement de la science moderne et l'expansion de l'Europe. P.: Presses universitaires de France, 1993. 688 p.
14. Mayer J. P. Pavie, 1525: L'Italie joué son destin pour deux siècles. Le Mans: Cenomane, 1998. 157 p.

15. Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия // Избранные сочинения / пер. с франц. под ред. и с пред. О. Л. Вайнштейна. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 1–204.
16. Пименова Л. А. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / под ред. В. С. Бондарчук. М.: Зерцало-М; Вече, 2005. С. 125–158.
17. Эльфонд И. Я. Образ власти: pro et contra: политическая мифология, пропаганда и культура во Франции XVI в. Саратов : СГСЭУ, 2011. 243 с.
18. Ивонин Ю. Е. М. Шнетгер. Суверенный государь или имперский город? Республика Генуя и Старая империя в раннее Новое время (1556–1797). Майнц, 2006 // Новая и новейшая история. 2008. № 2.
19. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806. Т. 2. Ч. 2. Рейхстаги. Универсальное и национальное. Бюрократия и придворное общество. Секуляризация 1803 г. и конец Священной Римской империи. Очерки. М.: Транс-Лит. 2009. 336 с.
20. Шиндлинг А., Циглер В. Германская империя Нового времени. Размышления о сущности и метаморфозах // Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия / пер. с нем. Е. С. Самойловича. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. С. 8–32.
21. Нольте Х.-Х. Россия и Германия в Европе: исторический опыт и перспективы / пер. с нем. М. Б. Корчагиной // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 170–178.
22. Патрушев А. И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: ИД Международного университета в Москве, 2007. 704 с.
23. Лампрехт К. История германского народа: в 3 т. / пер. с нем. П. Николаева. М.: К. Солдатенков, 1895. Т. 3, ч. V. 545 с.
24. Десницкая Т. Н. Борьба за объединение Германии в немецкой публицистике и программных документах эпохи Реформации и крестьянской войны: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951. 160 с.
25. Логинова Т. Е. Становление общегерманского уголовного судопроизводства в Германии в начале XVI в.: дис. ... канд. юр. наук. Свердловск, 1991. 160 с.
26. Weithmann M. Stichwort Habsburger. München: Wilhelm Heye Verlag, 1993. 95 S.
27. Басовская Н. И. Системный подход к изучению централизаторской и универсалистской тенденций в развитии феодального государства // Всеобщая история. Дискуссии, новые подходы / под ред. В. В. Согрина, А. О. Чубарьяна. Вып. 2. М.: Наука, 1989. С. 261–269.
28. Смирин М. М. Германия в преддверии Нового времени // Германская история в новое и новейшее время / под ред. С. Д. Сказкина и др.: в 2 т. М.: Наука, 1970. Т. 1. С. 9–64.
29. Press V. Ein Epochejahr der württembergischen Geschichte. Restitution und Reformation 1534 // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. № 47. 1988. S. 203–234.
30. Bosl K. Bayerische Geschichte. München: List, 1971. 310 S.
31. Васильев В. И. История германского федерализма // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 27–50.
32. Bader K. S. Der deutsche Südwesten in seiner territorialstaatlichen Entwicklung. Stuttgart: Koehler, 1950. 202 S.
33. Эпштейн А. Д. Германия в период позднего Средневековья // История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 года. М.: Изд-во ИМО, 1961. С. 10–126.

Зайцева Т. И., кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: kvi_TSPU@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.12.2012.

T. I. Zaytseva

SPECIFIC FEATURES OF THE STATE-TERRITORIAL DEVELOPMENT OF FRANCE AND GERMANY AT THE BEGINNING OF EARLY NEW TIME (ON THE HISTORIOGRAPHICAL MATERIALS)

In this article we make an attempt to give assessment to the processes of the state-territorial development of two West-European countries, France and Germany, in the first decades of the 16th century on the basis of the generalization of the materials of the Russian and foreign historiography. The degree of formation of the absolutist structures, territorial consolidation of the countries, parity of authority of the Supreme and regional governors are compared. The theoretical importance of the analysis consists in the specification of the regional specificity of the initial stage of the modern European civilizations formation.

Key words: *France, German empire, beginning of the 16th century, state and territorial development.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kvi_TSPU@mail.ru